

Константин Леонтьев

**Два графа: Алексей Вронский
и Лев Толстой**

Константин Леонтьев

**Два графа: Алексей
Вронский и Лев Толстой**

«Public Domain»

1888

Леонтьев К. Н.

Два графа: Алексей Вронский и Лев Толстой / К. Н. Леонтьев —
«Public Domain», 1888

«...Больше всех от гоголевского одностороннего принижения жизни освободился, я говорю все-таки, он же – Лев Толстой – и дорос сперва до военных героев 12-го года, а потом и просто-напросто до современного нам флигель-адъютанта – Алексея Кирилловича Вронского. О Вронском-то я и хочу поговорить подробнее и, между прочим, о том, почему нам Вронский гораздо нужнее и дороже самого Льва Толстого. Без этих Толстых (то есть без великих писателей) можно и великому народу долго жить, а без Вронских мы не проживем и полувека. Без них и писателей национальных не станет; ибо не будет и самобытной нации...»

Константин Николаевич Леонтьев Два графа: Алексей Вронский и Лев Толстой (1888)

Было время, когда я не любил военных. Я был тогда очень молод; но, к счастью, это длилось недолго!

Воспитанный на либерально-эстетической литературе 40-х годов (особенно на Ж.Санд, Белинском и Тургеневе), я в первой юности моей был в одно и то же время и романтик и почти нигилист. Романтику нравилась война; нигилисту претили военные.

Я сам удивляюсь, как могли совмещаться тогда в неопытной душе моей самые несовместимые вкусы и мнения! Удивляюсь себе; но зато понимаю иногда очень хорошо и нынешних запутанных и сбитых с толку молодых людей.

И одних ли молодых только?.. Разве у нас мало и старых глупцов?

До этих людей теперь только дошло многое из того, что нас (немногих в то время) волновало, утешало и раздражало тридцать лет тому назад... Прогресс, напр<имер>. Какой именно прогресс?.. Разве я понимал в 20–25 лет ясно – какой? Прогресс, образованность, наука, равенство, свобода! Мне казалось все это тогда очень ясным; я даже, кажется, думал тогда, что все это одно и то же... Даже и революция мне нравилась; но, припоминая теперь свои тогдашние чувства, я вижу, что мне в то время нравилась только романтическая, эстетическая сторона этих революций: опасности, вооруженная борьба, сражения и «баррикады» и т. п. О вреде или пользе революции, о последствиях их я думал в те молодые годы гораздо меньше. Почти совсем не думал.

Я, сам того не сознавая, любил и в гражданских смутах их военную, боевую сторону, а никак не штатскую цель их... Воинственные средства демократических движений нравились моему сильному воображению и заставляли меня довольно долго забывать о прозаических плодах этих опасных движений. Я оказывался в глубине души моей гораздо более военным по духу, чем мог того ожидать в то время, когда настоящих военных не любил. Я сказал – «довольно долго» воинственные средства революции заставляли меня забывать их уравниательные пошлые цели. От досады на тогдашнюю путаницу моих мыслей я сказал – «долго». – Но по сравнению со многими другими людьми, пребывавшими, быть может, всю жизнь в стремлении к всеобщему мирному и деревянному преуспеянию, – я исправился скоро... Время счастливого для меня перелома этого – была смутная эпоха польского восстания; время господства ненавистного Добролюбова; пора европейских нот и блестящих ответов на них князя Горчакова. Были тут и личные, случайные, сердечные влияния, помимо гражданских и умственных. Да, я исправился скоро, хотя борьба идей в уме моем была до того сильна в 62 году, что я исхудал и почти целые петербургские зимние ночи проводил нередко без сна, положивши голову и руки на стол в изнеможении страдальческого раздумья... Я идеями не шутил, и нелегко мне было «сжигать то», чему меня учили поклоняться и наши, и западные писатели... Наши – путем искусного и тонкого отрицания или ложного, одностороннего освещения жизни (хотя бы и сам Гоголь: «Как все у нас скверно!»), а западные – открыто и прямо (хотя бы Ж. Санд: «Как прекрасен демократический прогресс»)... Но я хотел сжечь и сжег!.. Догорела последняя тряпка гоголевских обносков; истлела последняя ветка той фальшивой, искусственной оливы мира, которую так мило и так долго подносила мне обворожительная, но хитрая Аврора Дюдеван. Я стал находить, что Гоголь какой-то гениальный урод, который сам слишком поздно понял весь вред, приносимый его могучим комическим даром... Я стал подозревать очень зло, что Дюдеванша, у которой я прежде жаждал поцеловать туфлю или подол и серьезно мечтал – съездить за этим во Францию, в Берри и в самый Nohant... я стал подозревать, что она бывает

поочередно то самой собою, то нет; то искренна, то притворна... В «Лукреции» искренна; в «Теверино» и милых пасторалях своих искренна; в «Грехе г. Антуана» и в других социалистических романах своих притворна; ибо она слишком умна, чтобы не понимать, что уничтожение повсюду монархии, дворянства, мистических, положительных религий, войн и неравенства – привело бы к такой ужасной прозе, что и вообразить страшно!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.